

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064

EDN: RUDNIPK

УДК

Научная статья / Research article

Обычное и необычное в обыденном языке

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

✉ vdemiank@iling-ran.ru

Аннотация. Этимологически русское *обыденный* означает «временный, сделанный за один день и на один день», позже это истолкование трансформировалось в «ничем не примечательный и не творческий». Вот почему, в отличие от английского *ordinary man*, русский термин *обыденный человек* используется только метафорически и очень редко. Но философский термин *ordinary language* обычно переводится как «обыденный язык». В данном исследовании сопоставляется статистика употребления русских лексем *обычный, обыкновенный, привычный, обыденный* и *обычайный* и их производных, в частности, отрицательных форм, в корпусе русских текстов, а также выявляются сходства и различия в употреблении английского *ordinary language* и русских *обыденный язык* и *обычный язык*. Исследование указанных сходных по значению лексических единиц опирается на сопоставление частоты их употребления в абсолютном начале и абсолютном конце предложений, а также на статистику их левого и правого контекстов. Особое внимание уделяется сочетаемости этих лексических единиц с предлогами, союзами и другими служебными элементами в русских текстах. Исследуются некоторые закономерности употребления отрицательных и положительных форм в связи с актуальным членением (функциональной перспективой) предложения. Так, в конце предложения положительные лексемы бывают гораздо чаще, чем отрицательные. Отрицательные же употребляются в конце предложения заметно чаще, чем в начале. В начале предложения положительные лексемы бывают чаще соответствующих отрицательных.

Ключевые слова: «обыденность», обыденный язык, контрастивная лексикология, корпусное исследование, функциональная перспектива предложения, контекст

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема: в печать: 15.09.2024

© Демьянков В.З., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Демьянков В.З. Обычное и необычное в обыденном языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1049–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064>

The Usual and the Unusual in Ordinary Language

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ vdemiank@iling-ran.ru

Abstract. Corpus research technically resembles sociological research and makes it possible to identify correlations and trends in the use of figures of speech and thought in various human cultures. Frequencies of collocations of the Russian adjectives ‘obychnyj’, ‘obyknovennyj’, ‘privychnyj’, ‘obydennyj’ and ‘obyčajnyj’ (all of them mean “ordinary, usual, habitual, daily”) and their cognates in the corpus of the Russian language are compared, similarities and differences in the use of the English and the Russian phrase meaning “ordinary language” are revealed. Etymologically, the Russian ‘obydennyj’ means “existing only one day” which was later replaced by “unremarkable and not creative”. That is why, unlike the English ‘ordinary man’, the Russian term ‘obydennyj’ is only metaphorically and very rarely used in collocations like ‘ordinary humans’. Nevertheless, ‘ordinary language’ as a philosophical term with a long tradition is commonly translated into the Russian as ‘obydennyj jazyk’. This study of semantically similar lexical items and their negative forms, in the Russian corpus relies on comparing their frequencies at the absolute beginning and the absolute end of the sentences, as well as on statistics of their left and right contexts. Special attention is paid to collocations of these lexical items in Russian texts. Some regularities of the use of negative/positive forms from the point of view of the functional sentence perspective are investigated.

Keywords: habituality, ordinary language, contrastive lexicology, corpus-linguistic investigation, functional sentence perspective, context

Conflicts of interests. The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Demyankov, V.Z. (2024). The Usual and the Unusual in Ordinary Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1049–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064>

Введение

Термину *ordinary language*, обычно переводимому как *обыденный язык*, в 20 в. дважды не повезло. Сначала оксфордско–кембриджская («оксбриджская») школа аналитической философии объявила *ordinary language* ущербным, неточным и ненадежным (*flawed and unreliable*). Затем постструктуралисты начали обвинять его в семантической отсебятине: он еще склонен

примешивать неустранимые дополнительные значения всему, о чем на нем говорится («carries ambivalent and inherently undecidable meanings, no matter how much one attempts to clarify it» [1. С. 136]).

Так, в обычной коммуникации крылатые слова (скрытые цитаты), такие как *To be or not to be* и *Быть или не быть*, являются речевыми полуфабрикатами высказываний (prefabricated statements) [2. С. 177] и «обыденно–понятны» только тем, кто знает (хотя бы даже из вторых рук), что имелось в виду в первоисточнике и каковы отягощающие обстоятельства истолкования. А метафоры толкуются на основе общечеловеческих универсальных когнитивных механизмов в опоре на пространственные образы [3], ср.: «more concrete and relatively easy to imagine source domains are mapped onto more Abstract and less easy to conceptualize target sources. These conceptualized figurative expressions can be primary, where mappings may be grounded in physical experiences (e.g., *kind heart*) or complex in which literal elements of the source domain are mapped onto the figurative aspects of the target domain (e.g., *His reasoning fell apart*)» [4. С. 144].

В английском разделе большого многоязычного корпуса (16 тыс. художественных и 9 тыс. нехудожественных текстов с минимальной разметкой) сочетания *ordinary man* (около 1,8 тыс.), *ordinary people* (около 1,3 тыс.), *ordinary men* (более 1 тыс.), *ordinary woman* (больше 200 раз) и т. п. в значении «простой человек, простые люди» встречаются значительно чаще, чем *ordinary language* (около 400 раз) и *ordinary languages* (несколько примеров). В русском же (около 23,5 тыс. художественных и 13 тыс. научных и публицистических) *обыденный язык* сравнительно част, но *обыденные люди* упоминаются не больше 30 раз, напр.: *Трагедия начинается там, где отрывается индивидуальная человеческая судьба от судьбы всего мира, а она ведь всегда отрывается, даже у самых **обыденных людей**, не понимающих трагедии, отрывается смертью* (Н.А. Бердяев, *Трагедия и обыденность*, 1905). Особенно как термин «философии обыденности» начала 20 в.: *Ведь может быть, что обыденная жизнь среди **обыденных людей** дает и философию обыденности!* (Л.И. Шестов, *Достоевский и Ницше: Философия трагедии*, 1903). Здесь и далее в скобках при примере указываем фамилию автора, название произведения и год написания или первого издания.

Не более 50 раз встречается и *обыденный человек*, напр.: *В этом мире необычайно сильна привязанность к окружающей обстановке; животное неизмеримо больше, чем **обыденный человек** сознает себя частью природы, ибо сознание отчужденности и есть первый этап к сознанию индивидуальности* (В.А. Шмаков, *Священная книга Тота: Великие Арканы Таро*, 1916). Обыденность бывает и градуальной: *Сегодня Дмитрий казался более коренастым и еще **более обыденным человеком*** (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина: Сорок лет. Повесть*, 1925–1936). Под влиянием новаторского

словоупотребления всплывает это словосочетание и в филологических исследованиях, напр.: *С одной стороны, это было просто и доступно для имитации, с другой, обыденная жизнь и **обыденный человек** получали своего литературного — следовательно, «благородного», культурно значимого — двойника* (Ю.М. Лотман, Сотворение Карамзина, 1987).

Звуковое сходство подталкивает к логическому переходу: «обыденный — значит, в быту, бытовой, мещанский»: *Дело заключается в том, что человек Менандра и Феофраста есть человек быта, **обыденный человек**, или, по-нашему, попросту говоря, мещанин* (А.Ф. Лосев, История античной эстетики. Том IV. Аристотель и поздняя классика, 1975).

Этот преднамеренный креатив бросается в глаза и вокруг обыденного ходит на необыденных цыпочках. Обыденная простота русских речевых нравов, «простые» слова, объясняя даже все сложное, входят в понятие «простой человек», но самих людей делают «обыденными» чаще по-английски, чем по-русски. Иначе говоря, *обыденный язык и философия обыденного языка* считаются эквивалентами для английских *ordinary language* и *ordinary language philosophy* в силу переводческой традиции, этим напоминая «крылатые слова».

Этимологически русская *обыденность* [5. С. 590], но не английская, связана с идеей «однодневности», ср.: *Церкви обетные всегда строились из дерева и в один день, отчего и назывались **обыденными**, в тот же день они и освящались и в них совершалось богослужение* (Митрополит Макарий, в миру М.П. Булгаков, История Русской Церкви, 1883). И далее: «Впоследствии случилось, что на местах этих деревянных обыденных церквей воздвигаемы были каменные во имя тех же святых, как бы по завету от предков, и назывались заветными» (там же). В русском термине *обыденный* исходным значением является сиюминутность, без претензии на вечность. О сиюминутности человека мы говорим чаще в философии, чем в быту: вспомним, чем эти размышления кончились для Гамлета. А английское *ordinary* означает нечто «в порядке вещей», не выделяющееся из ряда сходных явлений или представлений.

Английское *extraordinary*, как и *выдающийся* по-русски, характеризует пространство, в котором нечто «выдается из ряда вон». Значение «сделанный и употребленный за один день» подменяется значениями «употребленный за один день» и «живущий только один день», а затем и «ничем не примечательный, бытовой, без блесков креативности» [6. С. 47].

Далее рассмотрим в русском корпусе следующие лексемы и их производные: *обычное, обыкновенное, привычное, обыденное и обычайное*, сопоставив их частоты и частоты их отрицательных форм в абсолютном начале и абсолютном конце предложения, а также статистику левых и правых их контекстов. Для краткости указываем их в форме прилагательного, но имеем в виду словообразовательное гнездо.

Частота лексем и их словоформ

По убыванию количества упоминаний в корпусе имеем:

1. Обычное (примерно 350 тыс. раз, самая частотная словоформа — *обычно*, более 195 тыс.) в 7 раз чаще, чем необычное (49 тыс., самая частотная словоформа *необычно*, которая употребляется более 6,9 тыс. раз).
2. Обыкновенное (более 108 тыс. контекстов) в 3 раза реже, чем обычное и упоминается почти в 2 раза чаще, чем необыкновенное (более 50,8 тыс. контекстов). Самые частотные словоформы, соответственно: *обыкновенно* (более 32 тыс.) и *необыкновенно* (более 16,6 тыс.).
3. Привычное еще в 3 с лишним раза реже (около 30 тыс.) и более чем в 3 раза чаще, чем непривычное (около 10 тыс.). Лидируют по частоте *привычно* (более 13,4 тыс.) и *непривычно* (более 6,8 тыс.).
4. Обыденное (около 21,6 тыс.) в полтора раза реже, чем привычное и упоминается значительно чаще, чем необыденное (170 раз). Самая частотная словоформа — *обыденной* (более 4,14 тыс.), далее по убыванию: *обыденного* (более 3,22 тыс.), *обыденное* (более 1,8 тыс.), *обыденных* (более 1,79 тыс.), *обыденном* (более 1,5 тыс.), *обыденности* (более 1,3 тыс.), *обыденным* (более 1,23 тыс.) и только на седьмом месте *обыденно* (более 1 тыс.). С отрицательным префиксом примеров сравнительно немного, лидирует *необыденное* (около 35 раз).
5. Видим, что без отрицательного префикса эти лексемы значительно более часты, чем с ним. Максимальен этот разрыв у лексемы *обыденный* — 120 раз, на втором месте (7 раз) *обычный*, на третьем *привычный* — 3 раза, на четвертом — *обыкновенный* — 2 раза.

Нарушая эту закономерность, обычное упоминается значительно реже (всего около 100 раз), чем необычное (36 тыс.). Тем не менее, самая частая форма без префикса отрицания — *обычайно* (46 раз), а с этим префиксом — *необычайно* (более 15,7 тыс.).

По [7. С. 70, 739], у «обычайности» как антонима для эпитетов *звычайный* и *необычайный* прослеживаются польские следы Петровского времени. Чемпионом по количеству примеров (больше 20 раз) является Антиох Кантемир (1708–1744), напр.: *Обычайно* слугам прикушивать все, что хозяевам на стол подают, лакомством побуждены (А.Д. Кантемир, Художественные произведения). В инфинитивном безличном обороте это прилагательное управляет дательным падежом, как и прилагательное *свойственный*. Итак, «слугам свойственно и обычно» подъедать все соблазнительное с барского стола. А Кантемиру свойственно и **обычайно** употреблять это слово.

Можно было бы сказать это, употребив и краткую форму от *обычный* или *характерный* с предлогом *для*: «Кашель для него обычен». Герой С. Юрского в фильме «Любовь и голуби», вспоминая добрым словом долгую

жизнь со своей женой, говорит: «Что характерно, любили друг друга». В более галантную эпоху российской словесности ожидалось бы: *Любили друг друга обычно*.

Но уже во времена А.С. Пушкина это слово имело привкус стилизации под старину: *Храня суровость **обычайну**, / Спокойно ведал он Украину, / Молве, казалось, не внимал / И равнодушно пировал* (А.С. Пушкин, Полтава, 1828). Консерваторам же обычно продлевать закат употребления слов, ср. пересказ мысли Вольтера: *Но заместить слово **обычайное** другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить* (П.А. Вяземский, Записные книжки, 1813–1848).

Ностальгично звучало и тогда, и позже: *Вот арфа ее в **обычайном** углу, / Гвоздики и розы стоят у окна, / Полуденный луч задремал на полу: / Условное время! Но где же она?* (Ф.И. Тютчев, Cache–cache, 1828).

К «объедкам» со стола былого узуса относится предикатная позиция этого прилагательного: *Недаром и дальнейшая его судьба была тоже не совсем **обычайна*** (К.М. Станюкович, Беглец, 1886). А также креативный с ним суперлатив: *Вот и в то, первое, воскресенье 1905 года, в многолюдном салоне, он тоже, если можно так выразиться, «со сверхобычайным» уважением* (В.А. Пяст, Воспоминания о Блоке, 1940). И номинализация: *Я всё земное забуду, / И там я буду не чуждой, — / Доверюсь я иному чуду, / Как **обычайности** земной* (Ф.К. Сологуб, «Мой прах истлеет понемногу...», 1898).

Нарочито архаично употреблена эта лексема без префикса отрицания в романе, который В. Набоков написал по–русски в берлинский период жизни: *Она поняла, что ее спасение — в простоте строгости, **обычайности**; искомый способ должен быть совершенно естественным и чистым* (В. Набоков, Король, дама, валет, 1928). «Обычайность», рядоположенная строгости, содержит двойное отрицание: «не необычайное», «без необычайности». Как возрождение былого значения звучит в наши дни название книги Юрия Никитинского «Жизнь и обычные приключения Тamarочки Павловны» (2012).

Начало и конец предложения: тема и рема

Отрицание коррелирует с актуальным членением предложения. Так, в конце предложения рассматриваемые положительные единицы бывают гораздо чаще, чем отрицательные. Отрицательные единицы употребляются в конце предложения заметно чаще, чем в начале. В начале же предложения положительные единицы (кроме редкого *обычайный*) чаще соответствующих отрицательных.

1. В «тематической позиции» начала предложения имеем более 44,5 тыс. примеров с *обычный*, чаще всего это наречие *обычно* (более 34 тыс. предложений), напр.: ***Обычно** потирая руки, он напевал на голос какого–то водевильного куплета* (А.А. Фет, Ранние годы моей жизни, 1891). Более 11,2 тыс. раз

обычный встречается в рематической предикатной позиции конца предложения, чаще всего (5,5 тыс.) в той же форме *обычно*, напр.: *Не тако пленникам ответствовать **обычно*** (А.П. Сумароков, Семира, 1751), где видим управление дательным падежом, сохранившееся сегодня у *свойственно* и *привычно*. А *необычный* встречается более 2,3 тыс. раз в начале предложения, напр.: ***Необычно** грустное выражение ее лица снова поразило его* (Вс.С. Соловьев, Великий Розенкрейцер, 1898). Но заметно чаще — в конце предложения (около 6 тыс. раз), придавая драматизм сообщению, напр.: *Даже познакомились мы с ним как-то **необычно*** (М.Е. Салтыков–Щедрин, Современная идиллия, 1877–1883); *Меж древних гор жил сказочный старик, / Безумием объятый **необычным*** (К.Д. Бальмонт, Будем как солнце, 1902).

2. Самая частая позиция словоформ лексемы *обыкновенный* — в начале предложения (около 8,8 тыс.): ***Обыкновенно** по утрам останавливался я в самых бедных деревенских избах, обедал и спал до вечера* (В.Т. Нарезный, Российский Жилбаз, 1814). В конце предложения *обычный* встречается более 5,3 тыс. раз: *Сей вечер расстался я с ним не так, как **обыкновенно*** (М.Д. Чулков, Пересмешник, или Славенские сказки, 1765/1789).

Необыкновенный начинает примерно 2 тыс. предложений, чаще всего (около 700 раз) в форме *необыкновенно*, напр.: ***Необыкновенно** даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный* (А.И. Герцен, Былое и думы, 1870). А завершает более 3,5 тыс. раз, чаще всего словоформой *необыкновенное* (более 700 раз), напр.: *Я смотрела на нее, не сводя глаз; в наружности ее проявлялось что-то **необыкновенное**...* (Н.А. Дурова, Кавалерист–девица, 1836). Несколько реже в конце предложения встречаем *необыкновенно* (более 600 раз), напр.: *Одежда их совершенно албанская, оружие также: сабля, кинжал и ружье, длинное **необыкновенно*** (Н.И. Гнедич, Простонародные песни нынешних греков, 1824).

3. *Привычный* в начале предложения встречается более 3,1 тыс. раз, чаще в форме *привычно* (почти 900 раз), напр.: ***Привычно** для Бабаева это было бы смешно, но теперь не было смешно: стало по-детски празднично почему-то* (С.Н. Сергеев–Ценский, Бабаев, 1907). В конце предложения больше 3,4 тыс., чаще в форме *привычно* (600 раз): *Быстро и ловко скатал бумажки меж ладонями в трубочки — видно, это дело ему было **привычно*** (С.Т. Григорьев, Малахов курган, 1940).

В 1,4 тыс. предложений, начинающихся лексемой *непривычный*, чаще всего это бывает словоформа *непривычно* (больше 600 раз), напр.: ***Непривычно** участие тому, кто, как я, / С детских дней одиноко бредет...* (С.Я. Надсон, Полное собрание стихотворений, 1886). Эта же лексема завершает почти 1,5 тыс. предложений, наиболее часто в словоформе *непривычно* (почти 700 раз), напр.: *Это было ему **непривычно*** (Ю.Н. Тынянов, Смерть Вазир–Мухтара, 1928).

4. *Обыденный* в начале предложения представлен 720 примерами, чаще всего (240 раз) словоформой *обыденное*, напр.: *Обыденное становилось драгоценным* (С. Довлатов, Зона, 1982). Эта лексема завершает примерно 1,7 тыс. предложений, напр.: *И вы не думайте, чтобы я не сознавала своей обыденности...* (А.И. Куприн, Молох, 1896).

Необыденный начинает всего лишь 6 предложений, напр.: *Необыденным является детски доверчивое отношение друг к другу, совершенно отсутствующее в городской толпе* (В.Г. Ян, Записки пешехода, 1901). А завершает 10 предложений, напр.: *Я очень люблю все необыденное...* (Н.Э. Гейнце, Дочь Великого Петра, 1913).

5. *Обычайный* начинает 14 предложений, напр.: *Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют* (А.Д. Кантемир, На хулящих учения: К уму своему, 1729). А завершает около 17 раз, чаще всего словоформой *обычайное* (4 раза), напр.: *Это явление далеко не обычайное* (Л.А. Чарская, Счастливчик, 1912).

Необычайный же начинает примерно 1,7 тыс. предложений, чаще всего (около 0,8 тыс.) в форме *необычайно*, напр.: *Необычайно жестокие холода начались очень рано и сделали осадные работы невозможными* (С.М. Соловьев, Восточный вопрос, 1876). А завершает более 1,8 тыс., чаще всего (около 0,5 тыс.) также словоформой *необычайно*, напр.: *Это одиночество, этот воздух чужбины душат меня, — сегодня вдвое, чем когда-нибудь, — необычайно!..* (А.А. Бестужев-Марлинский, Он был убит, 1835).

Левые и правые контексты

Члены предложения, находящиеся в предложении слева от рассматриваемых лексем, часто не связаны с ними непосредственной синтаксической связью. Проиллюстрируем это на примере левых контекстов самой частой лексемы *обычный*:

- как (больше 21 тыс.), напр.: *Даже в столице народ восстал, и царю удалось умиротворить его только тем, что он пожертвовал несколькими любимцами, предав казни самых верных своих советников, которых простой народ, как обычно, считал виновниками всех бед* (С.М. Степняк-Кравчинский, Россия под властью царей, 1885);
- в (более 15 тыс.), напр.: *А пьянство — как известно всем, «даже не учившимся в семинарии», — и пороком — то вообще не считается в обычном земском быту...* (А.А. Григорьев, Мои литературные и нравственные скитальчества, 1862);
- и (6,8 тыс.), напр.: *Очевидно, это был знакомый и обычно условный удар в его дверь, потому что он с приветливой улыбкой отомкнул задвижку* (В.В. Крестовский, Петербургские трущобы, 1864).

Необычный:

- *и* (больше 2,6 тыс.), напр.: *Притом же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на стол, покрыли его взятым из церкви покровом и словно позабыли о нем* (Н.С. Лесков, На ножах, 1870);
- местоимение, особенно часто в 19–20 вв.: *ничего* (больше 1,5 тыс.), *что–то* (около 0,8 тыс.), *нечто* (0,4 тыс.), напр.: *Она старалась догадаться, где эта женщина печатает, и не видела ничего необычного* (М. Горький, Мать, 1906); *Что–то необычное поразило его в самом облике дома Анны* (В.Я. Брюсов, Через пятнадцать лет, 1909); *Он чувствовал только, что в существование его вторглось нечто необычное, какая–то тревога, тоска* (М.Е. Салтыков-Щедрин, Сказки, 1886);
- *в* (около 1,3 тыс.), напр.: *Невольно улыбнулся я, взглянув в зеркало и увидя себя в необычном наряде* (С.Н. Глинка, Из записок о 1812 годе, 1836);
- *с* (1,2 тыс.), напр.: *Он выпил почти залпом стакан и налил еще; вообще стал действовать с необычной до сих пор развязностью* (Ф.М. Достоевский, Вечный муж, 1870).

В отличие от левых контекстов, правые связаны с данными лексемами семантически (мы увидим это далее на примере союза *и*), но не всегда синтаксически в смысле «грамматики зависимостей». Там же, где эта связь есть, можно выделить 3 группы лексем: 1) *обычный, обыкновенный, обычный* (и их отрицание), управляющие предлогом *для*, 2) *привычный и непривычный*, управляющие предлогами *для* и *к*, 3) *обыденный и необыденный*, в управление которых предлоги не входят.

Приведем по три примера самых частых правых контекстов.

1. **Обычный:**

- *в* (более 12 тыс.), напр.: *Обычно в этот день Иерусалим, закончив все приготовления к великому празднику, исполнялся торжественной тишины: скоро Пасха* (И.Ф. Наживин, Евангелие от Фомы, 1933);
- *не* (7,8 тыс.), напр.: *Высшая знать обычно не посещала русских драматических спектаклей, предпочитая балет, оперу, французскую труппу* (Д.В. Григорович, Литературные воспоминания, 1893);
- *для* (5,74 тыс.), напр.: *У нее были темные синие глаза, не вполне сообразные с белобрысой головой, большие и не быстрые, тяжелее, чем обычно для такого маленького возраста, поэтому взгляд ее казался чересчур сосредоточенным* (К.А. Федин, Первые радости, 1943–1945).

2. **Необычный:**

- *для* (более 2,6 тыс.), напр.: *Одевшись наскоро, я выбежал на крыльцо, и глазам моим представилась картина необычной для Чемезова суеты* (М.Е. Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи, 1876);
- *и* (2,4 тыс.), напр.: *Потому что все, что вы делаете, необычно и красиво* (Тэффи, Шарманка Сатаны, 1916);

- в (более 1 тыс.), напр.: *Впрочем, тогда это было естественно такие услуги добрым знакомым оказывать, и ничего **необычного** в подобной просьбе молочник не мог усмотреть* (Л.С. Овалов, Рассказы майора Пронина, 1957).
3. **Обыкновенный:**
- в (больше 2,4 тыс.), напр.: *В сии ли то времена бедности будем искать начала наук и художеств, произрастающих **обыкновенно** в спокойствии и тишине* (Н.И. Новиков, Статьи по истории и философии, 1781);
  - и (более 2,3 тыс.), напр.: *В другое время это ничего бы не значило: граф мог уехать прогуливаться, быть приглашен кем–нибудь на завтрак, уехать на дачу обедать, пробыть целый день и даже два, и все это ничего, все это очень **обыкновенно** и часто бывало; но теперь!* (Н.А. Дурова, Угол, 1840);
  - не (около 1,8 тыс.), напр.: *В этих случаях я **обыкновенно** не скуплюсь и, чтоб украсить и обогатить мою родину, забираю все что ни есть лучшего во всей Европе* (М.Н. Загоскин, Москва и москвичи, 1848).
4. **Необыкновенный:**
- и (около 1,1 тыс.), напр.: *Вот **необыкновенное** и удивительное явление* (П.А. Вяземский, Сонеты Мицкевича, 1827);
  - в (более 300 раз), напр.: *Девочка терзалась, а тут же, в двух шагах от нее, преспокойно гупорили два старика, как будто ничего **необыкновенного** в их глазах не происходило* (М.Е. Салтыков–Щедрин, Пошехонская старина, 1888);
  - для (около 200): *Глаза его смотрели с **необыкновенной** для этого беспечного человека хмурой сосредоточенностью* (А.Т. Кононов, Повесть о верном сердце, 1958).
5. **Привычный:**
- для (3,2 тыс.), напр.: *Чтобы выгородить себя, старишины хотели закопать его и отослать для розыска; но Булавин, по **привычной** для казака дороге, бежал с Дона в Запорожье* (С.М. Соловьев, Рассказы из русской истории 18 века, 1860);
  - и (3,09 тыс.), напр.: *Перекрестив себя **привычным** и быстрым крестом и сейчас же чему–то улыбнувшись, он твердо направился к своей страшной даме* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, 1880); *Тот **привычно** и доверчиво прильнул к нему, обхватил его шею правой ручкой и с детским удивлением стал пристально смотреть на меня: чего, дескать, я иду за ними и так смотрю?* (Ф.М. Достоевский, Дневник писателя, 1873). Этот союз указывает на семантическое сходство: привычный и быстрый жест (*спешный крест*) машинален, т.к. привычному доверяют больше, чем неожиданному и новому (ср. *привычно* и *доверчиво*);
  - к (1,64 тыс.), напр.: *Волнуемый различными ощущениями и помыслами, он добрал до трактира, где Силантьев, **привычный** к дорожной жизни,*

уже нанял для него квартиру и сделал все приготовления к его принятию (Н.И. Греч, Черная женщина, 1834).

6. **Непривычный:**

- для (более 2,2 тыс.), напр.: *Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно и слово, а мыслей у нас боятся больше всего, потому что они требуют слишком тяжелой и **непривычной** для многих работы — размышления* (В.Г. Белинский, Русская литература в 1840 году, 1841);
- и (около 1 тыс.), напр.: ***Непривычно и странно** мне было видеть в наших небольших комнатках столько новых лиц, особенно мужчин* (Ю.В. Жадовская, В стороне от большого света, 1857);
- к (более 800 раз), напр.: *Сами знаете, теперь жар; лошади хорошие, **непривычные** к такой гоньбе; да и, по-моему, деликатность надо знать...* (И.И. Панаев, Белая горячка, 1844).

7. **Обыденный:**

- и (больше 1,2 тыс.), напр.: *И жажда избавления от «социальной **обыденности**» и посредственности может быть еще острее, чем жажда избавления от страдания, причиняемого трагическими противоречиями мира* (Н.А. Бердяев, Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности, 1937);
  - в (200 раз), напр.: *Ахматова видела вещи под каким-то иным, **непривычным** углом: всякие **обыденности** в устах ее становились значительными — это поражало меня* (Н. Ильина, Дороги и судьбы, 1991);
  - а (140 раз), напр.: *Озаренная догорающим пламенем бенгальского огня, она в самом деле казалась не **обыденным**, а скорее каким-то сверх-естественным существом* (Л.А. Чарская, Лесовичка, 1912); примерно столько же предложений с как (140 раз), напр.: *На палубе, чистой и просторной, умилявшей своей простотой и сложностью, все было, казалось, так же тихо и **обыденно**, как и всегда* (М.П. Арцыбашев, Человеческая волна, 1905/1907).
8. **Необыденный:** союз и (всего 10 раз), напр.: *Они звучали как вполне **обыденное** предисловие к тому **необыденному** и даже **сверхобычному**, чего я втайне ждал и на что надеялся* (Г.С. Гор, Геометрический лес, 1980). Остальные разнообразные контексты употребляются еще реже.
9. **Обычайный:** единицы, найденные в правом контексте, употреблены один-два раза, статистика их не имеет смысла.
10. **Необычайный** обладает небольшим репертуаром вспомогательных элементов:
- союз и (около 600 раз), напр.: *Он невелик, это правда, но сколько в нем **необычайных** и **особенного** рода красот!* (М.Н. Загоскин, Москва и москвичи, 1848);

- для (больше 320 раз), напр.: *Те и другие ждали необычайной для себя радости, которая их благочестию была «возвещена во псалтыре»* (Н.С. Лесков, Печерские антики, 1883).

Необычно и красиво значит «необычно, а потому красиво». Как скрытое, имплицитное указание причины трактуются и другие подобные конъюнкции, высвечивая коннотации обыденного и обыкновенного: **обыкновенно и часто, необыкновенное и удовлетворительное, привычным и спешным (крестом), непривычно и странно, обыденности и посредственности, необычайных и особенного рода (красот)** и т.п.

Атрибутивность

1. Обычными бывают: человек (2,9 тыс.), люди (2,8 тыс.), дело (2,3 тыс.), жизнь (2,1 тыс.), условие (1,4 тыс.), время (1,1 тыс.), напр.: *А ведь я к тому же не совсем обычный человек, особь с повышенной чувствительностью, с повышенным воображением* (И.А. Бунин, В ночном море, 1923). А необычны: форма (больше 570 раз), вид (420 раз), условие (280 раз), способ (270 раз), образ (220 раз) и т.д., напр.: *Можно поэтому утверждать, что кроме тенденции ослабить глагол здесь выражается тенденция освободиться от обычной формы сравнений (с «как»), удлинняющей фразу* (Б.М. Эйхенбаум, Анна Ахматова: Опыт анализа, 1923).

2. Обыкновенны: человек (более 2,8 тыс.), люди (более 2,1 тыс.), история (более 1,4 тыс.), напр.: *Какая и в самом деле кому из нас нужда, колдун ли принц, или оборотень, или обыкновенный человек* (В.Т. Нарезный, Заморский принц: Новые повести, 1824). А необыкновенны: человек (больше 1,8 тыс.), сила (более 600 раз), лето (около 600 раз), красота (480 раз), легкость (390 раз), быстрота (320 раз), напр.: *Я просто–запросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право...* (Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание, 1866/1877).

3. Привычны: дело (1,46 тыс.), движение (1,23 тыс.), место (910 раз), жест (600 раз), напр.: *Но внимания на них не обращала, — дело привычное слушать эти несуществующие голоса!* (И.А. Бунин, Веселый двор, 1911); *Егорин ловким привычным движением ухватился за подоконник и бесшумно прыгнул в комнату* (В.В. Курицын, Томские труппы, 1906). А непривычны: тишина (290 раз), обстановка (270 раз), человек (200 раз), условия (130 раз), напр.: *Весь дом был как бы мертв; и за стенами странная воцарилась, такая теперь непривычная тишина* (И.А. Новиков, Золотые кресты, 1908).

4. Обыденными бывают: жизнь (2,6 тыс.), сознание (2 тыс.), речь (400 раз), напр.: *И проходишь, как будто не доверяя чему–то; слышится что–то другое, слышится, что сквозь бесцветный мотив обыденной жизни нашей звучит другой, пронзительно живучий и грустный, как в Берлиозовом бале у Капулетов* (Ф.М. Достоевский, Петербургская летопись, 1847). А необыденное весьма редко, не больше 2–3 раз встречается с существительными слова,

думы, чувства, реальность и т.п., напр.: *Принцип выбора слов для Чичикова в данной ситуации был очень прост: высокое социальное положение слушателя требовало и «высоких», необыденных, слов и «высокого», приподнятого, стиля* (В.Н. Волошинов, Конструкция высказывания, 1930).

5. Эпитетом *необычайный* характеризуются «идеальные» качества и свойства, самые частотные из которых: сила (больше 730 раз), красота (больше 340 раз), легкость (почти 320 раз), быстрота (260 раз), оживление (больше 140 раз), напр.: *К тому же, по вашей привычке морализировать, вы на нее смотрели докторально, сверху вниз, а я, изумленный необычайной силой ее, я склонялся перед ней* (А.И. Герцен, Кто виноват? 1846). Они же могут быть и *обычными*, но встретились не больше одного раза, как и *церемония, угол, пора, время* и т.д.

Атрибуты языка

По убыванию количества примеров *обычный язык* уступает *обыденному*:

1. **Обычный язык** найден примерно в 600 предложениях, наиболее часты формы единственного числа: П.е. *обычном языке* (около 190 раз), И./В.е. *обычный язык* (около 160), Р.е. *обычного языка* (около 120), Тв.е. *обычным языком* (около 70), напр.: *В зоологии будут часто встречаться имена животных и частей их тела, в химии имена реагентов и химических реакций, совсем не употребительные в обычном языке* (Н.А. Морозов, Новое оружие объективного исследования древних документов, 1915); *«Оболгали мне здесь невозможность всеместных маневров», — писал он, что в переводе на обычный язык значит: мы доказали здесь, что маневры войск возможны в любых местных условиях, в любой природной обстановке* (С.Т. Григорьев, Александр Суворов, 1939).

А *необычный язык* в текстах корпуса непропорционально редок (20 раз), еще реже *необычность языка* (8 раз), напр.: *Конечно же, сама необычность языка не требует образованности и, пуще, специальной учености* (Д.С. Лихачев, Земля родная, 1983).

2. **Обыденный язык** встречается больше 800 раз, лидирует форма Р.е. (*обыденного языка*, 330 раз), напр.: *Нет, поправил он себя в духе своих размышлений о предательских свойствах нашего обыденного языка, это слово «зеленый» у нас одно, а значений у него множество* (Д.С. Данин, Нильс Бор, 1978). На втором месте — П.е. *обыденном языке*, около 200 раз: *Я исследовал 252 самых употребительных в обыденном языке французских глаголов* (Н.В. Крушевский, Очерк науки о языке, 1883). На третьем — форма И./В.е. *обыденный язык*, немного больше 100 раз: *Гоголь создал целую школу последователей, даже проник в обыденный язык общества* (Н.П. Огарев, Предисловие к сборнику: «Русская потаенная литература», 1861). Выражение *обыденный язык* не встретилось вовсе.

3. **Привычный язык** упоминается около 100 раз, больше всего в форме Тв.е., напр.: *Да только потому, что на них была привычная форма, потому что они говорили **привычным языком**, потому что надеялась, что с ними кончится этот гадкий сон перемен, революций, шершавых глупых слов* (Ю.Л. Слезкин, Столовая гора, 1922). А **непривычный** значительно реже (6 раз), напр.: *Просто я пишу на **непривычном языке*** (Дж. Глэд, Беседы в изгнании, 1991).

4. **Обыкновенный язык** находится на дне частотности, как и **необыкновенный**. Сочетание **обыкновенный язык** чаще всего бывает в форме И.е. (около 40 раз), напр.: ***Обыкновенный язык** оратора к сему не довлеет* (М.М. Сперанский, Правила высшего красноречия, 1792); реже П.е. **обыкновенном языке** (30 раз), напр.: *Он редко о чем говорит, кроме метафизики; редко другим языком, кроме славянского; и очень редко что пьет, кроме пуншу; однако ж публичные речи его на **обыкновенном языке**, ибо так предписало ему начальство; зато он утешается в гостях и дома, рассуждая славянским* (В.Т. Нарезный, Российский Жилблаз, 1814). И еще реже в форме Тв.е. **обыкновенным языком** (20 раз): *На сцене отвыкли говорить **обыкновенным языком** образованного общества* (И.А. Гончаров, Опять «Гамлет» на русской сцене, 1875). А **необыкновенный язык** чуть больше 20 раз: П.е. **необыкновенном языке** (10), напр.: *Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же решал их и всё время говорил на своем **необыкновенном языке**, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: **большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...*** (А.П. Чехов, Ионыч, 1898). И совсем редко в И.е., напр.: *Наконец, сам **необыкновенный язык** наш есть еще тайна* (Н.В. Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями, 1847). В форме Р.е. находим всего 5 примеров: *И гармония этих звуков, музыка этого **необыкновенного языка** вовлекли меня в свой круг* (Г.С. Гор, Кумби, 1963).

5. В корпусе не встретился ни **обычайный**, ни **необычайный язык**: язык может обладать качествами, но сам качеством не является, см. предыдущий раздел.

Заключение

Фигуры речи, очеловечивающие язык — предмет социологически ориентированной антропологической лингвистики [8. С. 2]. Эмпирическое корпусное исследование не случайно технически напоминает социологическое (лингвисты опрашивают тексты корпуса, а не население) и позволяет выявить корреляции и тенденции в использовании фигур речи и мысли различными человеческими культурами.

По данным русского корпуса, человек — типовой носитель свойств обычности, обыкновенности и необыкновенности, в меньшей

степени — непривычности (разве что в смысле *непривычности к чему-либо*) и лишь в минимальной степени — обыденности. Язык же значительно реже бывает необычным, необыденным, (не) привычным, (не) обычным и (не) обыкновённым: чаще обыденным (800 примеров) и чуть реже обычным (600 примеров).

Иначе говоря, английскому *ordinary language* по-русски лучше всего соответствует *обыденный язык*, внеположенный «очеловечиванию», заложенному в английском *ordinary language*.

Библиографический список

1. Basalamah S. Philosophical approaches // The Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts (2023). New York etc. : Routledge, 2023. P. 129–154. <https://doi.org/10.4324/9781003161448>
2. Scott J. Creative writing and stylistics: critical and creative approaches. Revised and expanded edition. London, etc. : Bloomsbury Academic, 2023.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: The University of Chicago, 1980.
4. Farnia F. Figurative language development: Implications for assessment and clinical practice // Handbook of Communication Disorders. Boston; Berlin : Walter de Gruyter Inc., 2018. P. 137–153.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. М. : Русский язык, 1993.
6. Демьянков В.З. Обыденный язык и ordinary language: Взаимодействие когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка. № 2–1(58). 2024. С. 44–48. EDN: LOFUZL
7. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : Азъ, 1999.
8. Nassenstein A., Mitchell A., Hollington N. Introduction // Anthropological Linguistics: Perspectives from Africa. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins. 2024. P. 1–28.

References

1. Basalamah, S. (2023). Philosophical approaches. In: *Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts*. New York etc.: Routledge, pp. 129–154. <https://doi.org/10.4324/9781003161448>
2. Scott, J. (2023). *Creative writing and stylistics: critical and creative approaches. Revised and expanded edition*. London, etc. : Bloomsbury Academic.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago; London: The University of Chicago, 1980.
4. Farnia, F. (2018). Figurative language development: Implications for assessment and clinical practice. In: *Handbook of Communication Disorders*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter Inc., pp. 137–153.
5. Chernykh, P.Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: 13560 words*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
6. Demyankov, V.Z. (2024). Everyday language and ordinary language: On the interaction of cognition and communication. *Cognitive investigations of language*. 2–1(58). Pp. 44–48. EDN: LOFUZL (In Russ.).
7. Vinogradov, V.V. (1999). *History of Words*. Moscow: Az. (In Russ.).
8. Nassenstein, A., Mitchell, A. & Hollington, N. Introduction. (2024). In: *Anthropological Linguistics: Perspectives from Africa*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. pp. 1–28.

Сведения об авторе:

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН (125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1); *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание; *e-mail*: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708. SPIN-код: 1278-7454; AuthorID: 57189616704, ResearcherID: O-7350-2017

Information about the author:

Valery Z. Demyankov is Prof. Dr.Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Theory and Practice of Communication named after Yu.S. Stepanov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: theoretical and applied linguistics; *e-mail*: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708. SPIN-code: 1278-7454; AuthorID: 57189616704, ResearcherID: O-7350-2017